

УДК 008

КОММУНИКАТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Н.А. Лукьянова

Томский политехнический университет

E-mail: Lukianova@tpu.ru

Выявлены две коммуникативно-семиотические стратегии конструирования социокультурной реальности: «дискурсивный» и «презентативный» символизм, базирующиеся на концепциях познаваемости мира посредством его конструирования в символических формах (теории Ч.С. Пирса, А.Н. Уайтхеда, С. Лангер). Установлено, что в механизмах конструирования стратегии «презентативный символизм» в процессе формирования интерпретанты деактуализируется этап обращения к опыту Другого. Функция интерпретанты, как некоторой идеи получившей знаковой воплощение в социокультурной реальности, сконструированной таким образом, состоит не в сообщении знания, а в структурировании чувственного опыта.

Ключевые слова:*Интерпретанта, коммуникативные стратегии, коммуникативное пространство, символизм.***Key words:***Interpretant, communicative strategies, communicative space, symbolism.*

Современное общество отличает крайняя сложность и напряжённость культурных отношений. На наших глазах происходят изменения, обусловленные, в том числе, возрастанием роли знаковых структур в коммуникативных взаимодействиях. По сути, скорость коммуникации, зависимость знака от темпа передачи информации делают семиотическое пространство плоским. Спецификой социокультурной ситуации становится присвоение новым коммуникационным технологиям семиотической функции конструирования реальности. Речь идет о том, что мобильная связь, Интернет, телевидение и пр. назначаются «ответственными» за создание множества новых семиотических образований, существующих в виде знаков и знаковых систем.

Современные процессы социокультурной реальности тесно связаны с вопросами глобализации, развитием коммуникационных технологий, массовых коммуникаций и пр. Суть многих проблем, изучаемых современными исследователями, можно сформулировать следующим образом: новейшие технические возможности распространения информации влияют на формирование всей системы материальных и духовных ценностей общества. Деформации в современном социуме настолько значительны, что становятся темой многочисленных философских, социологических и культурологических изысканий.

В данной статье обосновывается тезис о том, что в повседневности коммуникативных ситуаций человек в качестве *Homo significans* имеет возможность самостоятельно осуществлять конструирование социокультурной реальности, выбирая коммуникативную стратегию конструирования интерпретанты (в версии семиотики американского исследователя Ч.С. Пирса интерпретанта есть некоторая идея, результат действия знака в процессе семиозиса. В классическом понимании интерпретанту можно заменить понятием значения).

Процесс конструирования интерпретанты это процесс, напрямую ориентированный на направленное преобразование объектов культуры, поведение человека и пр., поскольку интерпретантой становится целенаправленно формируемый результат, связанный с прояснением значения как прагматическим прояснением смыслов в коммуникативном акте.

Заметим, что согласно концептуальным выводам постнеклассической методологии, человек не только сам создает окружающий его мир, но и самого себя в этом мире. Из этого утверждения следует принципиальный вывод: человек должен понимать те условия, по которым эта реальность (его реальность) рождается, чтобы иметь возможность при необходимости самостоятельно выбирать «правила игры» в выборе своего будущего. В контексте исследований Ч.С. Пирса реальность рассматривается нами как понятие, с необходимостью включающее понятие сообщества, что предполагает отсутствие конкретных границ реальности и стремление к постоянному расширению знаний [1. С. 137]. Свойство знака быть интерпретируемым проявляется только в коммуникациях, как мы отметили выше, поэтому видение собственной предметности позволяет человеку конструировать «единичные особенности до понятия» и с помощью знака определять собственную коммуникативную стратегию моделирования мира вокруг себя.

В силу вышесказанного, определим коммуникативные стратегии конструирования интерпретанты. Коммуникативными, с нашей точки зрения, они являются в том смысле, что процесс формирования интерпретанта есть процесс коммуникации. *Homo significans* — это субъект коммуникации, он ответственен за создание интерпретанты как метасемиотического конструкта, устанавливающего знаковый характер отношений между отправителем и получателем в процессе коммуникации.

Наши выводы о способах конструирования интерпретанты как способах конструирования социокультурной реальности будут основаны на положениях теории интерпретант Пирса и на принципах философии символизма, обозначенных в исследованиях А.Н. Уайтхеда и С. Лангер.

Человеческий разум функционирует символически, если некоторые компоненты его опыта (символы), согласно концепции А.Н. Уайтхеда, формируют сознание, устанавливая отношения к другим компонентам опыта (смысл символов). Обращение к указанным концепциям обусловлено тем, что символизм мы рассматриваем как процесс коммуникативной деятельности, процесс означивания, в котором человек участвует в качестве *Noto signifiens*. А символ в его широкой трактовке, понимается как интеллектуальный инструмент культуры. Переход от символа к смыслу является отражением реальности в переживании субъекта, а посредством символизации мира конструирование мира в символических формах решается проблема познаваемости мира (что не противоречит концепции существа познания Ч.С. Пирса) в его изменчивости.

Итак, опираясь на положения теории интерпретант Ч.С. Пирса, концепцию символизма в трактовке А.Н. Уайтхеда и С. Лангер, представляется возможным ответить на вопрос, как интерпретанта, рассматриваемая нами как некоторая идея, получившая знаковое воплощение в процессах коммуникации, способна изменить наше представление о реальности и «что» при этом открывается для понимания природы социокультурных изменений.

А.Н. Уайтхед ставил своей целью определить концептуальное поле, которое позволило бы проанализировать проблему человеческого опыта и физических процессов. На этом основании он сформулировал принципы, дающие возможность охарактеризовать все формы существования, что и делает универсальной его философию. Основной задачей своей философии А.Н. Уайтхед, так же как и Ч.С. Пирс, видел в том, чтобы совместить ставшее и становящееся, перманентность и изменение.

Исходя из вышесказанного, мы различаем собственно символ в его семиотической трактовке (символический знак) и символ – способность мыслить что-либо в априорных, рациональных формах при отсутствии реального существования объекта. В первом случае, это «знак, связь которого с его объектом не основана ни на сходстве, ни на непосредственной связи, а вменена (*imputed*) или приписана соглашением или привычкой (законом)» [2. С. 470]. Во втором случае, это символическая функция сознания. Протекание в сознании человека символических процессов порождает потребность человека в их «выходе», реализации в коммуникативном акте. В этом состоит основное отличие символа от символического знака. Без сомнения, проблема символа в философской мысли неоднозначна. В семиотической концепции

символа собственно символ понимается как разновидность знака в отношениях со своим объектом. О таком понимании, в том числе, писал и Ч.С. Пирс. Но заслуга Пирса не только в разработанной им классификации знаков, но и в том, что он рассматривал знаки в русле феноменологических представлений, пытаясь обнаружить принцип их работы «изнутри». И именно эта идея, с нашей точки зрения, легла в основу представления о символизме А.Н. Уайтхеда.

В работе А.Н. Уайтхеда «Символизм, его смысл и воздействие», концепция символизма принимает форму критики Д. Юма. С одной стороны, вклад А.Н. Уайтхеда достаточно прост, но, с другой стороны, невозможно переоценить его значение. А.Н. Уайтхед указывает, что существует два различных способа восприятия внешнего мира: «представленная непосредственность» и «причинная действительность». Он предлагает следующее решение проблемы восприятия человеком действительности: «причинная действительность» – это ощущение смыслов, в котором одним из способов восприятия является «представленная непосредственность». В этом и заключается его принципиальное отличие восприятия А.Н. Уайтхеда от юмовского. Для Д. Юма есть только один способ восприятия, который можно описать как ощущение прикосновения. А.Н. Уайтхед рассматривает два способа, которые дополняют друг друга: восприятие непосредственно данного и смысло-восприятие. Одно невозможно без другого, поскольку восприятие непосредственно данного показывает нам непосредственную реальность предметов, например, как реальность кусочка черного хлеба под микроскопом. Но эта реальность не есть собственная реальность хлеба. Человек, который ест хлеб, знает иную реальность. И только тот человек, который сначала увидел хлеб под микроскопом и знает, что может съесть его, понимает, каков хлеб на самом деле. И А.Н. Уайтхед подчеркивает, что наша способность восприятия непосредственного развита несравненно больше, чем восприятие смысла.

Американский философ Сьюзен Лангер утверждает, что символ есть спонтанное проявление человеческой природы, а не априорная логическая структура. Однако, вслед за Кассирером Лангер настаивает на том, что эти вне-научные области человеческой жизни и опыта носят, тем не менее, интеллектуальный характер (т. е. символический – Н.Л.) и могут быть предметом философского исследования.

Продолжая исследования символа в традициях философии А.Н. Уайтхеда, С. Лангер отмечает, что символизация – это не просто «форма духовной адаптации» [3. С. 470], как ее понимал Э. Кассирер. Символы, по сути, – это интеллектуальные инструменты, следовательно, они не могут быть сведены только к ощущениям или эмоциям [4. С. 348]. Лангер рассматривает символизм как важнейшую, глубоко органичную властную потребность [5], ко-

торая воплощает потребность и потенциал символизации. «Символическая функция — одна из первичных в человеческой деятельности, подобно питанию, ориентации в пространстве, передвижению. Она является фундаментальным и постоянным процессом человеческого ума» [5]. Мышление — это символический процесс. Посредством символических форм человек может постигать мир и упорядочивать окружающий его хаос. Однако процесс символического преобразования нуждается в завершении во внешнем действии. Это может быть речь, наука, ритуал, смех и пр.

Таким образом, символизация становится не средством для общения или удержания объектов в мышлении, а целью и способом существования. Действительность была бы для нас непознаваемым хаосом без системы действенных и реальных символов. Поскольку символ специфически перерабатывает действительность, он является определенным пониманием, или интерпретацией. А.Н. Уайтхед рассматривает сознание человека не только как направленный поисковый луч, точечно познающий мир, он говорит о «понимании», когда человек не просто видит, а активно «схватывает». «Слово есть символ, и его значение составлено из идей, образов и эмоций, которые он вызывает в уме слушателей» [6. С. 6]. Следовательно, философ приходит к проблеме расшифровки символов, соотношения символа и смысла, то есть к вопросу интерпретации и ее онтологических предпосылок (что не противоречит исследованиям Ч.С. Пирса). Для А.Н. Уайтхеда символизм — это способ познания мира, он показал особое значение не символа как такового, а символизма [7. С. 110].

В этой интерпретации цель символического осмысления действительности не власть над миром, а власть над самим собой, освобождение от страха и незнания, иначе говоря, устранение сомнения. Таким образом, концепция символизма А.Н. Уайтхеда существенно отличается от философии символических форм Э. Кассирера тем, что он исследует символизм в контексте различных компонентов восприятия. В целом он исходит из следующего понимания: «человечество ищет символ, чтобы выразить себя», а «среди отдельных видов символизма, служащих этой цели, на первое место мы должны поставить язык» [6. С. 46, 49]. При использовании языка возникает двойное символическое отношение: от вещей — к словам со стороны говорящего, и от слов — обратно к вещам со стороны слушающего [6. С. 6, 13].

Применение символизму в процессах коммуникации, как мы полагаем, находит именно человек, участвующий в процессах динамической интерпретации знака в качестве *Homo significans*. В деятельности сознания символическое указывает на присутствие неявного смысла. Значение и смысл предполагают существование чувственного носителя — знака в его завершенной форме (категория Третичности в теории Ч.С. Пирса). Способность

человека к символизации является своеобразным инструментом проникновения в фундаментальные структуры человеческой деятельности, миф, язык, искусство, науку, поскольку символ в его широком понимании начинает нечто означать, а это и есть основная функция семиозиса в процессах коммуникации. Такое видение дает нам основание утверждать, что символические инструменты культуры могут быть не только способом или средством освобождения и творческого развития человека, но и средством манипулирования человеком и его порабощения.

На основании вышесказанного нами будут определены коммуникативные стратегии конструирования социокультурной реальности. Человек в качестве *Homo significans* в коммуникациях при создании интерпретанты находится в положении художника, который пишет огромную картину: если он подходит к картине очень близко, то он не видит ее в целом, если он отходит слишком далеко, то он видит целое, но не может пользоваться кистью. В результате художнику ничего не остается, кроме как ходить назад и вперед, чтобы прийти к смысловому восприятию картины, то есть прийти к созданию смыслов в коммуникациях, что позволяет увидеть целостность мира вокруг себя и себя в этом мире.

Опираясь на исследования А.Н. Уайтхеда и С. Лангер, первую коммуникативную стратегию мы условно обозначим как «дискурсивный символизм» (термин С. Лангер). Может быть, это не очень удачное название для стратегии, однако, как мы полагаем, в нем отражается ключевое свойство коммуникации — способность человека вербализовать смыслы. Человек может спросить обо всем, что выражает язык. В этом проявляется коммуникативная функция языка — законы дискурсивного мышления, такого мышления, посредством которого мы имеем возможность свои идеи выстраивать в ряд, как бы надевать их друг на друга в определенной «оболочковой линии» (С. Лангер). Дискурсивный символизм, таким образом, связан с коммуникативной функцией языка, со словом. Дискурсивность означает способность выстраивать знания, идеи в отдельные ряды, цепочки, линии с помощью языка.

В данном случае речь идет не об истинности или не истинности высказывания, а о свойстве дискурсивности языка как дискурсивной форме познания, передаваемой с помощью слов. С нашей точки зрения, это последовательность шагов в процессе создания интерпретанты, соединение всех звеньев в последовательную цепь, что и устанавливает отношения между различными способами употребления исходного знака. Последовательность выглядит следующим образом: эмоциональная функция (форма — непосредственная интерпретанта), энергетическая функция (форма — динамическая интерпретанта), логическая функция (форма — финальная интерпретанта), согласно тео-

рии Ч.С. Пирса. Именно в таком порядке проявляются значения в нашей реальности, обладающие мыслимыми практическими последствиями, которые воплощены в практическое действие в коммуникативном акте (обретаются привычки – метафора Ч.С. Пирса, под которой подразумевает общие наблюдаемые законы природы, предполагающие существование более глубокого порядка, пока не до конца воспринимаемого и в природе неотчетливо выраженного, который мог бы объяснить феноменальный порядок перед нами [1. С. 84], служащие окончательными логическими интерпретантами знаков, – утверждение, основное для формулы прагматизма). Следовательно, определяются последствия, имеющие не только знаковую природу, но и которые можно представить в отношении данного знака. С такой точки зрения интерпретанта создает возможность для постижения смыслов культуры. Благодаря свойству генерализировать смыслы, обобщать их посредством символизации мира, мы способны конструировать мир с помощью символических форм, и именно в этом проявляется символический характер познавательной деятельности.

Символизм присущ самой структуре человеческой жизни, он всегда возвращается, как отмечает А.Н. Уайтхед. Процесс интерпретации знака есть соединение всех звеньев в последовательную цепь, что устанавливает отношения между различными способами употребления исходного знака, а также задает возможность распознавания и признания знака в коммуникациях. Финальная интерпретанта – это та идея, которая становится правилом действия (привычкой), которое диктует субъекту нормы поведения в социокультурной реальности. Роль финальной интерпретанты состоит в том, что это интерпретация, признаваемая истинной большинством участников коммуникации, это некоторое окончательное мнение о результате коммуникации.

Проблема заключается в следующем: наряду с дискурсивным символизмом, как пишет С. Лангер, – в нашей реальности существует другой тип символизма, роль которого принижается или игнорируется. «Разум, – говорит С. Лангер, это скользкий субъект; если одна дверь закрыта, он ищет или даже взламывает другой вход в мир; если одна символика является неадекватной, то он хватается за другую. <...> Потому, что существует неисследованная возможность подлинной семантики за пределами дискурсивного языка» [5]. Речь идет о символах, не нуждающихся в технике дискурсивного анализа, так как они проявляются в мифах, эмоциях, сновидениях и пр., то есть в иррациональности нашего сознания. Этот тип символизма С. Лангер назвала «недискурсивный» или «презентативный символизм», следуя концепции А.Н. Уайтхеда о перцептивных формах познания – «презентативная непосредственность» и «каузальное воздействие».

Концепция прагматизма Ч.С. Пирса дает нам понимание механизмов данных стратегий. На эта-

пе прагматического прояснения, как мы отмечали выше, существует возможность воздействовать на поведение посредством адекватного размышления в некотором рациональном или иррациональном процессе в соответствии с мотивами, интересами, отношениями и конкретными целями конструирования, доминирующими в мировоззренческих установках и ценностных ориентациях в социуме. Именно система тех или иных символических представлений или предпочтений является тем, чем мы руководствуемся в нашей повседневной жизни.

В конструировании окончательного мнения относительно знака, который является бесконечно интерпретируемым, не происходит отсылка к другим интерпретантам, существующих в коммуникативном пространстве. Сомнения одномоментно становятся правилом существования. ИмPLICITное знакомство со знаком определяет правило поведения, как, например, если бы работодатель принимал работника на работу, только посмотрев ему в глаза и даже не прочитав резюме или предварительной не побеседовав.

В стратегии «дискурсивный символизм» присутствует последовательность прохождения трех этапов при создании финальной интерпретанты. В механизме «презентативного символизма» отсутствует одна существенная составляющая – этап логического определения, что дает возможность конструировать финальную интерпретанту в «логике мифа», поскольку одним из свойств мифа является то, что в нём, используя точное выражение М. Маклюэна, мы приходим к выводам без рассуждений (здесь полезно вспомнить английское выражение *to jump at conclusions*, дословно: «прыгать на выводы»), что не противоречит человеческой природе. Во многом тот или иной выбор человека в социальной и политической сфере определяются не столько его рациональными доводами и пониманием ситуации, сколько именно этими традиционными представлениями, которые мало подвержены изменениям.

Мифологическое мышление (иррациональное), наряду с логическим, рациональным мышлением, является важнейшим фактором восприятия нашего повседневного опыта, это способ познания человеком мира. Сегодня новое обращение к мифу, или ремифологизация возникает в коммуникативной ситуации потери идентичности как поиск выхода из кризисной ситуации. В основе построения новых мифов лежат принципы мифологического мышления, основанные на способности человека познавать мир с помощью символических форм. Суть такого выхода – либо в ощущении покоя (статика), либо поиск такого движения, которое повторяет заранее известные состояния системы (линейная динамика). Мифологическому миру присуще такое понимание мира, в котором имеется совокупность отдельных объектов, предполагающих

его «локусный» характер. Перемещение из одного локуса в другой может происходить, по словам Ю.М. Лотмана, вне времени, которое может произвольно сжиматься и растягиваться. Новые мифы предполагают обратимость времени и абсолютную последовательность событий. В этом смысле миф играет компенсирующую роль: он дает опору в понимании мира и действия в этом мире как попытку восстановить потерянное единство мысли-слова-дела (как результата каналов трансляции: семантического, синтаксического и прагматического соответственно).

Традиционный миф был попыткой ответа на вопрос о механизмах непонятого природного или социального явления. Сегодня в коммуникативных стратегиях миф становится средством найти свою линию поведения в условиях, когда механизмы социальной действительности в принципе известны, но за плотной сетью коммуникаций или в силу других факторов скрыты от человека. Это вариант презентативного символизма, проявляющийся, например, в воздействиях СМИ: главным средством политического воздействия служит не сама аргументированная речь, а стратегия (презентативный символизм), направленная на оккупацию значений слов и всевозможные смысловые манипуляции.

Миф становится инструментом конструирования новой реальности. Мифический образ заставляет подразумевать бесконечно многое, и никакой из его смыслов не является определенным и окончательным, что становится весьма эффективным инструментом манипуляции. Возможность реализации в современной социокультурной ситуации коммуникативной стратегии «презентативного символизма» обусловлена тем, что мифический образ не всегда воспринимается с помощью слов, это могут быть отдельные линии, цвет, пропорции, звуки, которые недискурсивны. Это картина мира, конструирование которой становится возможным посредством «символического переноса, которым он воздействует, просто иллюстрирует тот факт, что единство опыта вырастает из слияния многих компонент» [6. С. 61]. Человек в качестве *Homo significans* интерпретирует мифический образ, проясняя его как значение в процессах коммуникации и устанавливая тем самым его значимость.

Потенциальность осуществления стратегии «презентативного символизма» в современной культуре обусловлена тем, что, живя в быстро меняющемся, фрагментарном мире, мы ощущаем целостность мифа. Это заставляет нас вспоминать и реконструировать снова и снова, искать пути к истокам нашей памяти. Сегодня миф становится способом высказывания — коммуникативной системой в политических «играх». Если традиционный политический язык использовал аргументацию, опираясь на научные теории, то современный стиль коммуникативности делает ставку не на аргументы, а на эффекты и эмоции, сыгранную ис-

кренность личного сочувствия. Это и есть способ реализации коммуникативной стратегии «презентативный символизм».

В данной ситуации истинность создаваемого мифа не важна принципиально. Таким образом, «презентативный символизм» становится эффективной стратегией конструирования социокультурной реальности, а новый миф, как коммуникативная система, является эффективным механизмом политических манипуляций, создавая образы прекрасного будущего, которое было в прошлом. Такой «прыжок на выводы» исключает рациональное объяснение, почему используется тот или иной мифический образ.

Итак, в реализации коммуникативной стратегии «презентативного символизма» основную роль играет способ, выбранный *Homo significans* для «обращения» с мифическим образом (непосредственной интерпретантой), то есть создание ритуала (способа действия) для целей производства «идеологических», политических, социальных мифов. Механизм конструирования такой стратегии практически идентичен стратегии «дискурсивного символизма», но пропущенным оказывается этап логического прояснения. Можно сказать, что *Homo significans* уподобляется человеку, живущему мифом, эмоциями, чувствами, то есть человеку, создающему новую реальность, в которой инструментом познания мира становится «презентативный символизм», где принцип использования той или иной идеи (интерпретанты) в конструировании мира с помощью символических форм не поддается рациональному объяснению.

Подобным образом создаются новые социальные мифы. Одним из таких мифов стал миф о СПИД. П.Д. Тищенко отмечает, что в каждой культуре присутствуют свои особо значимые символы-болезни. В средние века символическую роль играли чума, оспа и проказа, XIX в. может быть представлен «безумием» и «чахоткой». XX в. стал веком шизофрении, рака и СПИД. Достаточно вспомнить агрессию со стороны «общественности» против детей, зараженных в больнице г. Элисты СПИД, хотя никакой реальной опасности для окружающих они не представляли [8]. Таким образом, «сработали» механизмы «презентативного символизма»: образ человека, зараженного неизлечимой болезнью, и способ действия с этим образом — избегание или уничтожение. Символом XXI в., судя по всему, становится «мутант» — эти привилегированные символы вызывают самые мощные реакции социального отторжения.

С другой стороны, в современной реальности успешно реализуется стратегия «дискурсивного символизма», посредством которой формируются знания, подчиняемые требованию дискурсивной проецированности. Это мир «вещей», отличаемый от мира ощущений, поэтому мы можем его конструировать в тождестве и единстве с другими формами мира культуры. «Данные при помощи языка

значений прекрасно понимаются и собираются в одно целое через процесс, называемый дискурсом; значения всех остальных символических элементов, которые составляют более крупный, выражающий символ, понимаются только через значение целого, через внутренние отношения в пределах всей структуры» [5]. Установление тождества мифического образа изменениям социальной структуры и есть этап логического определения, который отсутствует в стратегии «презентативного символизма». Дискурсивные символы структурированы таким образом, что они обозначают положение дел в определенной последовательности.

В качестве примера «переворота в символизме» посредством коммуникативной стратегии «дискурсивного символизма» можно вспомнить внедрение новой системы символов, осуществившееся после распада Советского Союза. Малиновые пиджаки «новых русских», вишневые «девятки», килограммовые золотые цепи с распятиями — все это были символы нового мира, вербализованные в культуре. Знания о новой реальности выстраивались и в новом словаре (дискурсивная символика, по сло-

вам С. Лангер, обладает своим словарем, синтаксисом [5]). Именно так и выглядит конструирование мира посредством реализации стратегии «дискурсивный символизм», когда символические системы культуры могут служить как средством освобождения и творческого развития, так и порабощения или манипулирования.

Таким образом, коммуникативная стратегия «дискурсивного символизма» формируется в языковых знаках, с помощью которых мы проясняем значения и создаем смыслы. Последовательность прояснения значений выстраивается подобно жемчужинам, нанизанным на нитку (например, если ты «новый русский», то на это должны указывать конкретные знаки). В коммуникативной стратегии «презентативного символизма» идея (финальная интерпретанта) представляется моментально, это картина-образ, которая может производиться и речевым способом. Тем самым, человек создает свою социокультурную реальность в качестве *Homo signifi-cans* посредством выбора определенной коммуникативной стратегии в процессах символического преобразования мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колапьеро В. Ч.С. Пирс, 1839–1914 // Американская философия: сб. ст. / под ред. А.Т. Марсубяна, Дж. Райдера; пер с англ. Л. Бугаевой [и др.]. — М.: Идея-Пресс, 2008. — С. 121–156.
2. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста; пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. — СПб.: Симпозиум, 2005. — 502 с.
3. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке; пер. с нем. Б. Вимер и др.; отв. ред. Л.Т. Мильская. — М.: Гардарики, 1998. — 779 с.
4. Ричард Х.И. Лангер С.К. 1895–1985 // Американская философия: сб. ст. / под ред. А.Т. Марсубяна, Дж. Райдера; пер с англ. Л. Бугаевой [и др.]. — М.: Идея-Пресс, 2008. — С. 344–355.
5. Лангер С. Философия в новом ключе [Электронный ресурс]: исследование символики разума, ритуала и искусства: пер. с англ. — М.: Республика, 2000. — 287 с. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/langer/> (дата обращения: 25.06.2008).
6. Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. — Томск: Водолей, 1999. — 64 с.
7. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества; пер. с англ. Т. Азарковича, Б. Скуратова. — М.: Логос, 2001. — 408 с.
8. Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий [Электронный ресурс] // Библиотека «Полка букиниста»: значимые книги отечественных и зарубежных авторов. — Электрон. дан. — [Б. м.], 2006. — URL: http://polbu.ru/tischnko_bioauthority/ch34_all.html (дата обращения: 27.11.2008).

Поступила 23.11.2009 г.